

УДК 821.133.1

**ФРАНЦУЗСКАЯ ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ:
«АФРИКАНЕЦ» Ж.-М.Г. ЛЕКЛЕЗИО**

*канд. филол. наук О.Ф. ЖИЛЕВИЧ
(Полесский государственный университет, Пинск)*

Рассматривается специфика жанра французской писательской автобиографии рубежа XX – XXI веков на примере произведения Ж.-М.Г. Леклезю «Африканец». Основной акцент делается на том, каким образом конвенциональные черты традиционного жанра автобиографии – автобиографический пакт, повествование о частной жизни создателя автобиографии, хронологическая последовательность, преимущественная непрерывность повествования – трансформируются в произведении романиста. Делается вывод о том, что «Африканец» Леклезю является своеобразным подведением итогов многолетних размышлений писателя о жизни, семейных взаимоотношениях, проблемах воспитания, о враждебно настроенной западной цивилизации к бывшим колониальным народам. Отмечается, что разрыв между авторским замыслом и жанровой установкой на раскрытие авторского «я» создателя определяются техникой написания эссе.

Введение. Жан-Мари Гюстав Леклезю – один из самых крупных современных французских писателей, лауреат Нобелевской премии по литературе за 2008 год. Его творчество является приоритетным для изучения зарубежом. Литературоведы интересуют разнообразные вопросы: пространства и времени (К. Каваллеро, Д. Виар), автора и героя (Т. ди Скано), поэтики и стиля (С. Доманж, Ж.-А. Ревель), интертекстуальности (Р. Лост) и многие другие проблемы в произведениях писателя. Однако неизученной остаётся роль автобиографии в творчестве романиста.

На рубеже XX – XXI веков жанр автобиографии приобрел особую популярность как во французской, так и в других национальных литературах. Современный английский писатель Мартин Эмис прокомментировал тотальный интерес и пишущих, и читающих к автобиографическому жанру следующим образом: «Мы все живем в век массового стремления высказаться. Мы все пытаемся осуществить это стремление в письменной или, хотя бы, в устной форме: автобиография, апология, биография, крик сердца» [1, р. 6]. На фоне общего кризиса повествовательных форм, в особенности романной, отмечают способность автобиографии синтезировать различные родовые свойства и использование различных коммуникативных стратегий. Среди современных писателей-автобиографов известны: А. Роб-Грийе, П. Модяно, Ф. Нуриссе, Х. Семпун, Ф. Соллерс, Э. Гибер, С. Дубровский, М. Эмис, Д. Лессинг, К. Рейн, А. Эрн, П. Акройд и другие.

Несмотря на существование французской автобиографии на протяжении более чем четырёх веков, четкой и единой концепции этого жанра до сих пор не существует. Исследователи, придерживающиеся традиционного понимания, среди которых Н. Мозет, К. Гро, М.-А. Массе, считают, что наличие биографического материала, идентичность автора, рассказчика и героя, повествование от первого лица, линейная хронология являются обязательными для жанра автобиографии.

Основная часть. Определение автобиографии, сформулированное французским литератором, теоретиком автобиографического жанра Ф. Леженом, стало каноническим: «Автобиографией мы называем ретроспективный рассказ в прозе, сделанный кем-либо о своем собственном существовании, и в котором автор делает акцент на своей индивидуальной жизни, в частности, на истории своей личности» [2, р. 14]. Эту дефиницию Ф. Лежен дополняет и уточняет моделью «автобиографического соглашения», в котором он предлагает в качестве основного отличительного критерия принять выраженное автором намерение написать произведение, основанное на личной истории, с присутствием реального имени в тексте и на титульном листе как гарантии его подлинности. Сторонники свободного толкования автобиографии С. Дубровский, Ж. Лекарм, Б. Блох, Л. Дюбрёй, А. Котин-Мортимер считают, что автобиограф имеет право представлять себя в разной форме, которую он сочтет уместной и удобной. Для них любое произведение, осуществляющее воссоздание личности автора, есть автобиография.

Рассмотрим, каким образом конвенциональные черты жанра автобиографии – автобиографический пакт, повествование о частной жизни создателя автобиографии, хронологическая последовательность, преимущественная непрерывность повествования – трансформируются в постмодернистской автобиографии Ж.-М.Г. Леклезю «Африканец» («L'Africain», 2004). Следует заметить, что «Африканцу» предшествовал роман с автобиографическими чертами «Онитша» («Onitsha», 1991) – по названию города в Нигерии, где жил и работал Джеффри Алэн, отец главного героя, 12-летнего мальчика по имени Финтэн. В «Онитше» отчетливо просматриваются многие события из детства писателя, в том числе, его раннее увлечение литературой, далекие путешествия, разделенная семья.

Осмысля специфику жанра автобиографии, Леклезю отмечает в одном из своих интервью газете «Le Point»: «Моими любимыми писателями были Стивенсон и Джойс. Своё вдохновение они черпали в первых годах собственного опыта и через писательство переживали собственное прошлое, пытаясь понять “почему” и “как”. Материал, основанный на частной жизни романиста, становится поводом для более общих суждений» [3]. И далее писатель добавляет, что «читая “Улисса” Джойса, понимаешь, что он ставил перед собой задачу не описать момент, но рассказать самого себя и все, что его сформировало. Он возрождает мельчайшие детали, уличные шумы, отрывки разговоров, телесные наказания, пережитые в школе и навсегда оставшиеся в подсознании» [3]. Таким образом, Леклезю утверждает, что «литература сильна только тогда, когда ей удастся передать первые ощущения, первые мысли, первые неудачи» [3].

На поверхности автобиографии «Африканец» лежат детские воспоминания писателя о встрече с отцом после долгой разлуки, об их взаимоотношениях, о восприятии мальчиком Африки; глубже – мотивы поиска родины, свободы, бегства, индивидуализма, национальной идентичности, протест против колонизации, глобализации и экологических катастроф. Традиционные автобиографические установки ограничивают писателя. Будучи в первую очередь романистом, а уже потом только автобиографом, Ж.-М.Г. Леклезю стремится одновременно к свободе и полному контролю в повествовании, который уравнивает точные наблюдения и игру воображения. Автор не старается быть предельно откровенным с читателем, недосказанность является характерной чертой многих его формулировок. Леклезю часто намекает, но не открывается до конца. Один из основных художественных приемов в произведении – игра с читателем. Писатель называет свое произведение «Африканец» и тем самым нарочито отбрасывает традиционные номинанты заглавия, например, «Воспоминания», «Исповедь», «Жизнь», «Мемуары» и т.п. Только в самом конце книги Леклезю откроет смысл названия: Африка сформировала его характер, определила его взгляды и убеждения. Пребывание в африканских странах сыграло определяющую роль в его жизни, поэтому он – «африканец».

У произведения сложная, кольцевая композиция. Так, автобиография начинается с фразы «*J'ai longtemps rêvé que ma mère était noire. J'ai découvert lorsque mon père, à l'âge de la retraite, est revenu vivre avec nous en France, que c'était lui l'Africain*» [4, p. 7] и заканчивается «*Peut-être qu'en fin de compte mon rêve ancien ne me trompait pas. Si mon père était devenu l'Africain, par la force de sa destinée, moi je puis penser à mère africaine*» [4, p. 105]. Таким образом, писатель в некотором смысле размывает рамки автобиографии и сближает текст с жанром романа. В отличие от стандартной формы автобиографии, автор, оперируя подлинными событиями своей жизни и жизни своих близких, организует материал в виде коротких и на первый взгляд не связанных между собой эссе (в количестве семи). Их названия не имеют ничего общего с биографической семантикой: «*Le corps*» «*Тело*», «*Termites, fourmis, etc.*» «*Термиты, муравьи и др.*», «*L'Africain*» «*Африканец*», «*De Georgetown à Victoria*» «*От Джорджтауна до Викторши*», «*Banso*» «*Бансо*», «*Ogoja de rage*» «*Огоя в ярости*», «*L'oubli*» «*Забвение*». Однако за внешней фрагментарностью скрывается глубинная внутренняя связь: Леклезю виртуозно играет фрагментами частной жизни героев повествования, заставляя читателя вникать в глубокий подтекст эпизодов, выстраивать связи между ними и самому синтезировать ответы на бесчисленные вопросы, возникающие в процессе чтения.

Писатель играет с читателем, вводит его в заблуждение по поводу жанра своего произведения и тем, что разместил на его страницах абсолютно не семейные фотографии: изображения побережья моря, пальм, карнавала в одном из племен, воздушного парома, карты города Бансо, и разнообразные фотографии жителей африканских племен. Примерно в середине книги автор вскользь заметит, что его отец увлекался фотографией, и это увлечение наилучшим образом раскрывает не только его внутренний мир, но и всю глубину африканского континента. Его фотографии отражали «одиночество, заброшенность, постижение самых удаленных уголков земли» [4, p. 51]. Автор тонко передает свои впечатления, рассматривая их: «на одной из фотографий изображена пирога, плывущая вниз по реке, я смотрю на нее и чувствую ветер, запах воды; несмотря на шум мотора, я слышу монотонное стрекотание в лесу; я ощущаю беспокойство, которое рождает ночь» [4, p. 52].

В метатекстовом комментарии, вводимом в повествование на первой странице текста, автор, тем не менее, определяет автобиографические установки и пытается объяснить отклонения от правил. «Каждое живое существо – это результат отца и матери... Их лица, привычки, поведение, привязанности, иллюзии, надежды, форма их рук и пальцев ног, цвет глаз и волос, манера разговаривать, мысли, возможно, возраст их смерти – все это переходит к нам» [4, p. 7], – утверждает Леклезю. И далее, будто бы оправдываясь, он продолжает: «Я выдумал эту историю, прошлое, чтобы избежать реальности моего возвращения в Африку, в эту страну, в этот город, где я никого не знал, где я был иностранцем. Затем я узнал, что мой отец в пенсионном возрасте вернулся к нам во Францию, что это он был Африканцем. Это было сложно принять. Мне нужно было вернуться назад, испытать все заново, попытаться понять. В память об этом, я написал эту маленькую книжку» [4, p. 101].

Итак, автор уже в первом абзаце настраивает читателя на глубоко личный разговор, как будто разговаривает непосредственно с ним. И далее Леклезю не отпустит читателя, возвращаясь к определению взаимоотношений с ним. Автор не очерчивает круга своих читателей, не определяет своих отношений с ним, но подразумевает, что его читателя интересуют те же вопросы, что и его самого. При этом писатель не претендует на всеведение и всезнание. Повествование в произведении ведется в основном от 3-го лица, за исключением нескольких эпизодов, где фигурирует первое лицо. Леклезю, таким образом, разрушает один из канонов автобиографического жанра. «Он-повествование» способствует драматизации действия и придания ему реалистичности. Но в то же время автор практически не вводит собственные существительные, он не называет имена родителей, брата, ближайших родственников. Тем самым создается эффект «обезличивания», условности действия в произведении.

Конструируя картину своего прошлого, Леклезю уделяет пристальное внимание своим детским годам, проведенным в Африке. На страницах книги этот континент и 8-летний мальчик представляют собой одно целое. Так, Жан-Мари открывает для себя отличную от европейской физическую красоту человека негроидной расы. Он восхищается типом лица африканцев: «подобное на затвердевшую кожаную маску, покрытую шрамами и обрядовыми знаками» [4, р. 10], и их кожей: «гладкой, горячей и легкой, покрытой миллионами волосков» [4, р. 10]. В гиперболизированной форме автор описывает тело африканца: «Его бесстыдство – великолепно. Оно придает глубину, широту, умножает ощущения, оно создает настоящую энергетическую паутину вокруг меня... Это бесстыдство гармонирует со всей страной Ибо» [4, р. 10 – 11]. Как правило, писатель строит повествование на основе оппозиции, противопоставляя два разных периода в своей жизни: Нигерия – Ницца; уютная квартира в доме на берегу Средиземного моря – хижина без малейших удобств в колониальном городишке Огойя; семейное окружение (няня, бабушка) – ватага голых африканских ребятишек; строгое поведение под неусыпным контролем старших, жизнь по правилам – торжество инстинктов, свободы, чувственной стороны жизни; искусственный мир – натуральный (естественный) мир. Леклезю с любовью называет африканцев «un espace d'utilité» («энергетическим пространством») или «un jardin» («садом»), где каждый отдельный человек – это какое-то дерево: «фруктовое, манговое, земляничное, дынное» [4, р. 15]. Даже чувство ненависти предстает различным в европейском и африканском понимании: «одно – тайное, притворное, глухое, навещающее ужас, подобное болезни, другое – открытое, настоящее, приводящее в дрожь все тело, подобное грозе» [4, р. 16 – 17]. Особенность так называемой «европейской ненависти» Леклезю объясняет военными действиями во время второй мировой войны на территории многих стран, в том числе и Франции, когда царили голод, страх и смерть. Следует отметить, что писатель неоднократно возвращается в «Африканце» к этому чувству, например, развивая идею о разрушительной силе ненависти, подразумеваемая тем самым пагубное воздействие колониальной политики на естественный мир Африки. Это показательно в эпизоде, когда Жан-Мари вместе с братом разрушал муравейники, вызывая крайнее удивление и чувство неприязни африканских детей: «наши сердца бились, ненависть переливалась через край... Мы хватили камни, палки и мы били, били, мы рушили стены этих храмов, без какой-либо видимой причины, просто так, просто, чтобы радостно наблюдать за клубами пыли, слушать содрогание башен, видеть красные подземные ходы, подобные на вены, в которых кишела наша бледная жизнь, цвета перламутра» [4, р. 28].

Интересными являются эпизоды в автобиографии, когда писатель создает своеобразный эффект «воспоминаний в воспоминаниях». Так, например, сведения о жизни в Ницце кажутся канувшими в прошлое, тогда как пребывание в Африке производит впечатление недавних событий (хотя реальная временная разница в событиях составляет всего пару лет). Подобная особенность подкрепляется и использованием различных грамматических форм глаголов. Эпизоды о пребывании во Франции насыщены глаголами в формах прошедших времен *Passé Composé* и *Imparfait*, период в Африке – как правило, глаголами в форме настоящего времени – *Présent*.

Воспоминания о детских годах писателя занимают в книге всего несколько глав, большая часть книги посвящена истории жизни родителей. Отец – английский военный врач, после окончания медицинского университета, не подчинившись конформизму, подлости, напыщенности буржуазного общества, добровольно покидает престижное место в больнице и отправляется навстречу неизвестности в далекую Африку для работы в полевом госпитале. Однако автор замечает, что, несмотря на бегство, отцу еще не раз придется столкнуться с «высшим обществом» в лице банкиров, торговцев, агентов, судей, полицейских, жандармов. Эти люди в поисках быстрого и легкого обогащения охотно устремлялись в Африку и устраивали в крупных портовых городах целые оазисы роскоши в виде мраморных дворцов с безупречными газонами и площадками для игры в гольф. Они бесстыдно эксплуатировали труд чернокожих людей, зарабатывая на них крупные деньги. Отец Жана-Мари, подобно сартровскому герою, испытывает чувство тошноты по отношению к колониальному миру. И даже в сердцах восклицает, что африканцы не являются более дикими, чем европейцы. Огойя, Бабунго, Ником, Нигерия, Нги, Луаком Ндие, Онитша – это неполный ряд мест в Африке, куда судьба бросала отца Жана-Мари. Двадцать лет жизни он отдал спасению людей на этом жарком, населенном чужими ему народами, полном непредвиденной опасности,

континенте. Несмотря на то, что много лет отец не принимал никакого участия в воспитании сына и увиделись они только через восемь лет после его рождения, Жан-Мари гордится им: «Он (отец) лучшие годы своей жизни провел в глухомани, будучи единственным врачом на огромной территории. Он спасал жизни миллионам людей» [4, р. 39]. На момент встречи писатель описывает отца как преждевременно постаревшего из-за экваториального климата, изнуренного, раздражительного из-за постоянно применяемых лекарств от астмы, желчного по причине длительного одиночества, мужчину. Романист с сочувствием замечает, насколько сложно приходилось отцу, не получая новостей от семьи, осознавая, что ему невозможно оставить свои обязанности и уехать на помощь к жене и детям, и даже послать им деньги.

Воспоминания отца об Африке имеют положительные и отрицательные оттенки, связанные с безграничным счастьем после женитьбы и с трагической разлукой с семьей во время войны. «В течение 15 лет это была его страна. Не найдется человека, который бы чувствовал её лучше, чем он... Именно здесь он провел самые счастливые годы своей жизни...» [4, р. 80], – утверждает автор. Однако после начала военных действий и неудачной попытки воссоединиться с семьей, Африка для отца перестает быть воплощением свободы и радости. Леклезю с горечью отмечает: «мой отец понял, что после всех лет теплых, дружеских, отеческих чувств к африканцам, они, оказывается, воспринимали его всего лишь как колониального врача, одного из завоевателей страны. Африканцы не делали различия между ним и, например, солдатом...» [4, р. 84]. Отец писателя ужаснулся, обнаружив страх в глазах людей, когда они попадали в госпиталь. И тогда он делает вывод, что врач для них – не человек, который облегчает их страдания европейскими лекарствами, а иностранец, приносящий боль, отрезающий им пораженные гангреной различные части тела. По мнению местных жителей, единственное средство лечения колониальных медиков – это наводящий ужас скальпель. Автор не скупится на темные краски, описывая со скрупулезностью писателя-натуралиста болезненное состояние пациентов отца: «пылающие от лихорадки тела, пораженные раком внутренние органы, незаживающие раны на ногах, обезображенные слоновой болезнью... лица, изъеденные проказой или сифилисом, женщины с разорванными органами из-за тяжелых родов... дети со старческим лицами от вечного голода, с серой, как пергамент кожей, с рыжим, как ржавчина, цветом волос, с округленными от ужаса и предчувствия смерти глазами» [4, р. 87]. В итоге романист задается риторическим вопросом: «Насколько сильным духом человеком необходимо быть, чтобы продолжать жить после всего увиденного, чтобы пережить это?» [4, р. 88]. На склоне лет отец писателя делает вывод, что если бы ему пришлось начать жизнь сначала, он бы никогда не стал врачом, а предпочел бы быть ветеринаром, потому что животные, на его взгляд, единственные существа, способные выносить страдания.

Леклезю намеренно отказывается от традиционного для жанра автобиографии хронологически выстроенного линейного повествования. Непоследовательное описание истории своей жизни и жизни родителей объясняется авторским замыслом: «эта книга является результатом не только лично моих воспоминаний, но в ней заложены воспоминания о времени до моего рождения, а также воспоминания отца и матери» [4, р. 103]. Его интересуют события не столько внешней, сколько внутренней жизни, которые не могут быть представлены в виде непрерывного линейного повествования. Осознанное исключение из текста многих внешних реалий позволяет максимально сосредоточиться на внутренних противоречиях. Для писателя автобиография становится поводом для исследования глубинных процессов человеческого сознания. Жизненные факты являются отправной точкой для работы воображения, развертывания аллюзий, размышлений, идей философского направления. Одни и те же биографические факты по-разному преподносятся и интерпретируются в разных точках повествования. Леклезю постепенно расшатывает установку читателя на истинность воспоминаний автобиографа. Так, в начале произведения писатель утверждает, что он – настоящий африканец, однако через несколько страниц уже благодарит Бога за то, что он всего лишь иностранец в Африке. Или, например, сначала он рассказывает о том, что он совсем не обучался грамоте в «африканский» период своей жизни: «мы не ходили в школу. У нас не было спортивного клуба, не было прописано никаких правил, не было друзей, в нашей жизни царила полная свобода» [4, р. 20]. Позже он напишет обратное: его отец требовал от них с братом жесткой дисциплины. Мальчикам необходимо было рано вставать, убирать кровати, мыться холодной водой из бака, а также ежедневно совершать вечернюю молитву. Более того, мать давала им уроки орфографии, английского языка и арифметики. Таким образом, возникает одна из серьезных проблем жанра – соотношение правды и лжи в автобиографическом произведении. Жанр автобиографии актуализирует доверие читателя к тексту, однако сам автор не доверяет собственной памяти.

Леклезю выстраивает сложные синтаксические конструкции со множеством придаточных предложений и различными степенями подчинения. Например, «Je suppose *que* c'est en arrivant à Ogoja *que* nous avons appris *que* le Père Noel n'existait pas, *que* les cérémonies et les fêtes religieuses étaient réduites à des prières, et *qu'il* n'y avait aucun besoin d'offrir des cadeaux *qui*, dans le contexte *où* nous étions, ne pouvaient *qu'être* superflus» [4, р. 91]. Автор вкрапляет в текст вопросительно-восклицательные предложения: «Étais-ce la guerre, cet interminable silence, qui avait fait de mon père cet homme pessimiste et ombrageux, autoritaire,

que nous avons appris à craindre plutôt qu'à aimer? Était-ce l'Afrique? Alors, quelle Afrique?» [4, p. 41]. Такие художественные приемы позволяют писателю обратить внимание читателя на собственно процесс повествования.

Следует также обратить внимание на мелодичность языка в «Африканце». Этого эффекта писатель достигает, прежде всего, путем частого использования повторов одинаковых частей речи и подобных синтаксических конструкций. К примеру: «C'était *avant* la guerre, *avant* la solitude et l'amertume, *quand* tout était possible, *quand* le pays était jeune et neuf, que tout pouvait apparaître» [4, p. 96] или «*Qu'il pouvait* instituer une justice virile... *Qu'il fondait* cette justice sur l'exemple... *Qu'il ne tolérait pas* la moindre manifestation d'irrespect...» [4, p. 91]. Яркий колорит книги составляют многочисленные эпитеты: «les colères *disproportionnées, excessives, épuisantes*», «l'homme *inflexible, autoritaire*», «un silence *aigu, strident, effrayant*», «la nourriture *désastreuse*», «le point *parcouru, sondé, souffert*», «la nature *sublime*», «des nuits *froides, brissantes*», «une violence *secrète, hypocrite, terrorisante*».

Более того, он постоянно использует ремарки, касающиеся процесса повествования: прерывает себя, отсылает к сказанному ранее. К примеру: «Oui, je crois que je n'ai jamais connu de tels moments d'intimité, un tel mélange de rituel et de familier» [4, p. 36] или «Mais à quoi bon rêver? Rien de tout cela n'était possible...» [4, p. 93]. Писатель часто уточняет в тексте значение некоторых диалектных, устаревших слов и выражений, медицинской терминологии. Например, «bourbouille – une maladie quand le corps est couvert d'une éruption de petites ampoules causées par l'extrême chaleur, une affection bénigne...» [4, p. 13]. Автор также насыщает произведение английскими словами и фразами, например: «good boy», «garden boy», «old chap, this is a tough country», «pidgin English», «African Farm». Все перечисленные приемы включают читателя в творческую игру и постоянно разрушают предварительно созданный эффект условности.

Заключение. Произведение Леклезю «Африканец» является своеобразным подведением итогов многолетних размышлений романиста о жизни, семейных взаимоотношениях, проблемах воспитания, о враждебно настроенной западной цивилизации к бывшим колониальным народам. Разрыв между авторским замыслом и жанровой установкой на раскрытие авторского «я» создателя определяется техникой написания эссе. Леклезю сознательно выбирает подобный принцип изложения, представляя читателю скорее описание своих размышлений, нежели своей жизни. Традиционные для автобиографии хронологическая последовательность и линейность сталкиваются с постмодернистской релятивистской картиной мира и нелинейными свойствами пространства и времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Amis, M. *Experience* / M. Amis. – London: Harper Perennial, 2000. – 406 p.
2. Lejeune, Ph. *L'Autobiographie en France* / Ph. Lejeune. – Paris: Colin, 1971. – 246 p.
3. Le prix Nobel de littérature pour Le Clézio, «écrivain de la rupture» // Culture [Ressource électronique]. – Mode d'accès: <http://www.lepoint.fr/archives/article.php/280833>. – Date d'accès: 09.10.2008.
4. Le Clézio, J.-M.G. *L'Africain* / J.-M.G. Le Clézio. – Paris: Mercure de France, 2004. – 105 p.

Поступила 01.12.2010

FRENCH POSTMODERN AUTOBIOGRAPHY: THE «AFRICAN» BY J.-M.G. LE CLÉZIO

O. JILEVITCH

The article explores the genre peculiarity of the French literary autobiography of XX – XXI centuries based on the «African» by J.-M.G. Le Clézio. The main accent is made on the way conventional traits of a traditional genre of the autobiography – the autobiographical pact, a narration about private life of the author of the autobiography, the chronological sequence, a primary continuity of a narration – are transformed in the composition of the novel. The conclusion is, that «African» by Le Clézio is an original summary of the novelist's long-term reflections about life, family relations, educational problems, western civilization, treating the former colonial people with hostility. Notably, the rupture between the author's plan and the genre guideline to disclose the author's "self" are determined by the essay technics.